

КАМИЛЛА **ГРЕБЕ**

КАМИЛЛА ГРЕБЕ

НА ЛЬДУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
Г79

Camilla Grebe
ALSKAREN FRAN HUVUDKONTORET

Серия «Мастера саспенса»

Перевод со шведского *Екатерины Хохловой*

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Ahlander Agency

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Гребе, Камилла.

Г79 На льду : роман / Камилла Гребе; [пер. с англ. Е. Н. Хохловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Мастера саспенса).

ISBN 978-5-17-113300-9

Эмма, скромная красавица из магазина одежды, заводит роман с одиозным директором всей торговой сети Йеспером Орре. Он публичная фигура и вынуждает ее скрывать их отношения, а вскоре вообще бросает без объяснения причин. С Эммой начинают происходить пугающие вещи, в которых она винит своего бывшего любовника. Как далеко он может зайти, чтобы заставить ее молчать?

Через два месяца в отделанном мрамором доме Йеспера Орре находят обезглавленное тело молодой женщины. Сам бизнесмен бесследно исчезает. Опытный следователь Петер и полицейский психолог Ханне, только что узнавшая от врачей о своей наступающей деменции, берутся за это дело, которое подозрительно напоминает одно нераскрытое преступление десятилетней давности, и пытаются выяснить, кто жертва и откуда у убийцы такая жестокость.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

© Camilla Grebe, 2015
© Хохлова Е., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-113300-9

*Посвящается
Эстель и Фредрику*

*Ты не знаешь, кто тебе друг, а кто враг,
пока лед под тобой не треснет.*

Инуитская поговорка

Петер

Я стою в снегу перед могилой матери, когда звонит телефон. На могиле простой памятник, едва достающий мне до колен, из грубо обтесанного куска гранита.

Мы с мамой часто говорили о трудной работе полицейского в городе, где люди интересуются только своей персоной, и о том, что жить среди таких людей непросто.

Кроссовки утопают в мокром снегу. Я достаю телефон и отворачиваюсь от памятника. Мне неловко говорить по телефону у могилы матери.

Передо мной простирается кладбище Скугсчюркогорден, окутанное туманом. Сосны торчат из снега, как восклицательные знаки, кричащие, что жизнь невечна. С веток и памятников капает вода. Оттепель.

Вода уже просочилась в кроссовки и хлюпает внутри, напоминая о том, что все-таки следовало купить те ботинки в магазине. Вдали видны темные фигуры среди сосен. Наверно, пришли ставить свечи или цветы на могилу. Скоро Рождество.

Я возвращаюсь на расчищенную от снега тропинку и смотрю на дисплей телефона, хотя и так знаю, кто звонит. Внутри уже появилось это странное ноющее ощущение, которое так хорошо мне знакомо.

Прежде чем ответить, бросаю последний взгляд на могилу. Машу рукой на прощание и шепчу, что скоро вернусь. Разумеется, в этом нет нужды. Она знает, что я вернусь. Я всегда возвращаюсь.

Я еду в город по плохо освещенной улице Нюнэсвэген. Красные габаритные огни машин, едущих впереди, указывают мне дорогу. Вдоль дороги лежат сугробы из грязного осевшего снега. Низкие депрессивные здания на въезде в Стокгольм. Лампы в виде рождественских звезд освещают окна, подобно бенгальским огням. Снова пошел снег, смешанный с дождем. Он залепил переднее стекло и смягчил контуры окружающего пейзажа. Шум мотора смешивается с ритмичным звуком дворников.

Убийство. Еще одно убийство.

Много лет назад, когда я был еще сравнительно молодым полицейским и неопытным следователем, звонки с информацией об убийстве всегда вызывали у меня волнение. Убийство тогда означало для меня загадку, которую нужно было разгадать, моток спутанной пряжи, который надо распутать. Тогда я верил, что любое преступление можно расследовать. Нужно только запастись терпением, набраться энергии и потянуть за нужные ниточки. Реальность казалась мне паутиной из таких ниточек. И я верил, что способен ее распутать.

Но больше я ни в чем не уверен. Может, утратил интерес к этой паутине, может, потерял нюх и не знаю, за какую нитку тянуть. Со временем мое отношение к смерти тоже изменилось. Смерть забрала мать, которая теперь

покоится в болотистой земле кладбища Скугсчюркогорден. Анника, моя сестра, похоронена на том же кладбище, недалеко от матери. А скоро и отец там окажется, если не перестанет пить по-черному на побережье в Испании, где он теперь проживает. Преступления уже не кажутся мне такими уж важными. Конечно, я занимаюсь расследованием. Я выражаю в словах то, что кажется невыразимым. Человека лишили жизни. Описываю события, предшествующие преступлению. Пытаюсь вычислить убийцу и сделать так, чтобы он ответил за свои деяния перед лицом правосудия. Но мертвых это к жизни не вернет, не так ли?

И сейчас мне сложно видеть смысл в том, что я делаю. Сгущаются сумерки, и я понимаю, что за весь день так и не видел солнца. Еще один серый декабрьский день из целой череды пасмурных дней этой зимой. Движение становится более плотным. Я еду на север по шоссе E18. Дорогу ремонтируют. Машина подпрыгивает на рытвинах. Ароматизатор воздуха в виде елочки трясется перед глазами.

Когда я проезжаю университет, звонит Манфред. Говорит, что в деле замешана какая-то важная шишка и что мне лучше приехать как можно скорее, прежде чем туда доберется пресса.

Я вглядываюсь в темноту индустриальных кварталов, отвечаю, что ему придется общаться с прессой, потому что дорога вся в дырках, как швейцарский сыр, и я не хочу отбить себе всю задницу, гоня на бешеной скорости.

Манфред раздражается хохотом в трубку. Его смех больше похож на хрюканье поросенка. Впрочем, я к нему несправедлив. Манфред полноват и действительно на-

поминает откормленного поросенка. Но я смеюсь наверняка ничуть не элегантнее. Все мы несовершенны.

Мы работаем вместе больше десяти лет, я и Манфред. Год за годом мы стояли рядом перед столом для вскрытия, допрашивали свидетелей, утешали несчастных родственников.

Год за годом мы ловили преступников и делали мир лучше и безопаснее. Или нам это только показалось? Все эти люди в морге в Сольне мертвы и останутся мертвы. На веки вечные.

Мы патрулируем общество, пытаемся собрать воедино осколки, когда ваза уже разбита. Жанет сказала, что у меня депрессия, но я ей не верю. И в депрессию я тоже не верю. Просто не верю и все. Скорее считаю, что я наконец примирился с реальностью и вижу жизнь такой, какая она есть. Жанет возражает, что именно так думают люди, страдающие депрессией. Они не видят ничего, кроме собственного жалкого положения. Я обычно отвечаю, что депрессию выдумали фармацевтические компании, чтоб еще больше обогатиться, и что я не имею никакого желания помогать им в этом. А когда Жанет начинает расспрашивать о моем здоровье, я кладу трубку. Уже прошло пятнадцать лет после нашего разрыва, и нет никакой причины обсуждать с ней мое самочувствие. И тот факт, что она является матерью моего единственного ребенка, ничего не меняет.

Альбину не стоило появляться на свет. Нет, он нормальный ребенок. Обычный подросток с прыщами и избытком тестостерона, зависимый от компьютерных игр. Просто я не был готов стать отцом. В самые мрачные часы (а их становится все больше с годами) я думаю о том, что Жанет забеременела специально. Выбросила

противозачаточные и залетела, чтобы отомстить за свадьбу. Наверняка так и было. Я никогда не узнаю правду. Впрочем, это уже не важно. Альбин живет с матерью. Мы иногда встречаемся, не часто. Обычно по праздникам — в Рождество, в день летнего солнцестояния и в его день рождения. Я думаю, так лучше для мальчика. Ему не стоит много со мной общаться. Не хочу, чтобы он тоже во мне разочаровался.

Иногда я думаю о том, почему не держу в кошельке его фото, как делают другие (настоящие) родители. Например, школьное фото с эффектом «сепия», снятое в спортивном зале фотографом, чьих творческих амбиций хватило только на съемки в школах.

Но я знаю, что это будет самообманом. Отцовство надо заслужить. Это право получает тот, кто встает к ребенку по ночам, меняет пеленки и делает все то, что нужно. Отцовство не имеет никакого отношения к генам, которые я, неосознанно, передал вместе со своей спермой пятнадцать лет назад Жанет, мечтавшей о ребенке.

Я вижу дом издалека. Он ничем не выделяется из ряда белых коробок в эксклюзивном пригороде столицы, но весь окружен полицейскими машинами. Синие мигалки освещают снег. Белый фургон криминалистов аккуратно припаркован рядом. Я оставляю машину внизу на дороге и поднимаюсь вверх к вилле. Здравуюсь с полицейскими, показываю удостоверение, подлезая под сине-белую ленту, качающуюся на ветру.

Манфред Ульссон стоит в дверном проеме. Его тучное тело загораживает вид. Он приветственно поднимает руку. На нем твидовый блейзер с розовым платком в наружном кармане. Широкие брюки аккуратно заправлены в синие бахилы.

— Черт тебя подери, Линдгрэн, я думал, ты никогда не доедешь.

Я смотрю на него. Маленькие темные глазки глубоко посажены на красном лице. Тонкие рыжие волосы зализаны, как у актеров в фильмах пятидесятых. Он больше похож на торговца антиквариатом, или историка, или сомелье, чем на полицейского. И Манфред прекрасно знает, что не похож на полицейского. Мне кажется, он нарочно так эксцентрично одевается, чтобы провоцировать других полицейских. Ему нравится играть в игры.

— Как я уже говорил...

— Да-да...дорожные ремонты, — отвечает Манфред. — Знаю я тебя. От просмотра порнушки не мог оторваться.

Его грубый язык резко контрастирует с его тщательно продуманным внешним видом. Он протягивает мне бахилы и перчатки и, понизив голос, сообщает:

— Это омерзительно. Иди сам посмотри.

Я надеваю бахилы, перчатки и ступаю на пластиковые плитки, которые криминалисты постелили на полу в прихожей. В нос мне ударяет удушливый запах крови. Я инстинктивно отшатываюсь, хотя этот запах мне давно знаком. Мне становится не по себе. Несмотря на то что я тысячу раз был на месте преступления, от близости к смерти у меня всегда мурашки на коже. Может, пугает осознание того, как быстро наступает смерть. Как мало нужно, чтобы человек ушел из жизни. Хотя бывают и случаи, когда место преступления или состояние тела свидетельствуют о том, что человек долго боролся за свою жизнь.

Я киваю криминалистам в белых комбинезонах и осматриваюсь. Прихожая совершенно безлика. Непонятно даже, кто живет в доме, мужчина или женщина. Или, может, такой стиль и называют мужским? Белые стены,

серый пол, никаких личных вещей, которые обычно встречаются в прихожей, — одежды, сумок, обуви. Я ступаю на следующий лист пластика и заглядываю в кухню. Сверкающие черные панели. Стол в форме эллипса со стульями. Я видел его в каком-то журнале. Ножи на стене в ряд, как на параде. Отмечаю, что все ножи на месте.

Манфред кладет мне руку на плечо.

— Сюда.

Я иду дальше. Прохожу криминалиста с камерой и блокнотом. Вижу пятно крови под пластиком. Нет, это не пятно, это целое море крови. Красное липкое море свежей крови. Оно занимает почти половину прихожей, простираясь от стены до стены и спускаясь дальше в подвал. Кровавые отпечатки ведут к двери на улицу.

— Чертовски много крови, — бормочет Манфред, проворно пробираясь вперед по пластиковым плиткам. Табличка с номером стоит рядом с комком окровавленной одежды. Я вижу ногу в черном сапоге на каблуке и тело женщины. Она лежит на спине, отвернув голову от меня. Через секунду я понимаю, что ей отрубили голову и что то, что я принял за одежду, и есть голова, лежащая на полу. Точнее стоящая, словно ее кто-то поставил. Глядя на нее, кажется, что она вырастает из пола, как гриб.

Манфред с пыхтением опускается на корточки. Я наклоняюсь, пытаюсь осознать, что передо мной. Естественная реакция — отвернуться, закрыть глаза, но я уже давно научился справляться с рефлексом и заставлять себя смотреть на труп.

Лицо и темные волосы женщины заляпаны кровью. Я бы дал ей лет двадцать пять, но это сложно, учитывая состояние, в котором находится тело. Тело тоже все в крови, но я различаю царапины на руках. Погибшая

одета в черную юбку, черные колготки и серую кофту. Под телом я замечаю пуховик.

— Кошмар.

Манфред кивает и берется за подбородок.

— Ей отрезали голову.

Я киваю. Возразить тут нечего. Очевидно, именно это и произошло. Требуется немалая сила, чтобы отделить голову от тела. Это многое говорит о преступнике. Мы знаем, что он или она обладает достаточной физической силой. Или очень сильной мотивацией.

— Нам известно, кто она?

Манфред качает головой.

— Нет, но мы знаем, кто владелец дома.

— Кто?

— Йеспер Орре.

Имя звучит знакомо. Спортсмен? Политик? Но я не помню, где слышал его раньше.

— Йеспер Орре?

— Да, Йеспер Орре. Директор «Клотс и Мор».

Теперь я вспоминаю. Скандальный директор «К и М», самой быстро растущей сети магазинов одежды в Скандинавии. Излюбленный объект бульварной прессы. О нем часто писали. О его нестандартных методах управления компанией, о его романах с женщинами, о его неполиткорректных заявлениях для прессы.

Манфред вздыхает и поднимается. Я следую его примеру.

— Орудие убийства? — спрашиваю я.

Он молча показывает направление. Рядом с лестницей, ведущей в подвал, лежит большой нож, больше похожий на мачете. Отсюда трудно разглядеть. Рядом стоит табличка с номером «пять».

— А этот Орре? Мы его взяли?

— Нет. Никто не знает, где он.

— Что еще нам известно?

— Тело обнаружила соседка, которая заметила, что дверь открыта. Мы с ней говорили. Она испытала шок и сейчас находится в больнице. Слабое сердце. Но в любом случае ничего полезного она не сказала, только, к сожалению, много натоптала в прихожей. Не знаю, найдём ли мы отпечатки ног.

На улице на снегу тоже следы крови. Видимо, убийца вытерся снегом после преступления.

Я осматриваю прихожую. Пол залит кровью. На стенах кровавые пятна и кровавые отпечатки рук. Сцена напоминает картину Джексона Поллока. Кажется, что кто-то разлил красную краску на полу, а потом разбрызгал по стенам.

— Судя по всему, смерти предшествовала драка, — продолжает Манфред. — У убитой женщины раны на руках. Судмедэксперт считает, что она умерла вчера между тремя и шестью часами вечера. Жертве около двадцати пяти лет. Причина смерти — отделение головы, как ты сам видишь.

Манфред замолкает.

— А голова? — спрашиваю я. — Это случайность, что она так стоит? Или ее поставили специально?

— Врач и криминалисты говорят, что убийца так ее поставил.

— Омерзительно.

Манфред кивает и ищет мой взгляд. Потом понижает голос, словно боится, что кто-то нас услышит. Но здесь только криминалисты.

— Слушай, это очень напоминает...